

- Дирр А М 1907 – Агульский язык. Тифлис, 1907.
 Загиров В М – 1987 – Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987.
 Магомедов А А 1970 – Агульский язык. Тбилиси, 1970.
 Сводеш М 1960 – К вопросу о повышении точности и лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
- Талибов Б Б 1980 – Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
 Шаумян Р 1941 – Грамматический очерк агульского языка. М., Л., 1941.
 Nikolaev S L, Starostin S A 1994 – A North Caucasian etymological dictionary. М., 1994.

М Е Алексеев

Г.Н. Скляревская. Метафора в системе языка. СПб.: Наука. 1993. 151 с.

В огромном море работ, посвященных изучению метафоры, в последнее время появляется все больше исследований, рассматривающих целые группы, парадигмы метафор, образующих систему.

В ряду исследований системного характера метафоры находится и рецензируемая книга Г.Н. Скляревской, в которой делается попытка построить не какой-либо отдельный фрагмент системы языковых метафор, а систему, охватывающую всю идеографическую классификацию лексики русского языка (правда, на материале только метафор-существительных). Особенно существенно то, что книга написана ученым-лексикографом, имеющим, с одной стороны, большой опыт словарной работы, а с другой – воплощающим идею системности метафор в новом 20-томном толковом словаре русского языка. Эта идея, предполагающая учет возможности сходного развития метафорических значений и употреблений у слов одной семантической группы, как представляется, должна быть весьма продуктивной в лексикографии и до сих пор не была эксплицирована и сознательно воплощена. Поэтому исследование Г.Н. Скляревской, которое развивает далее теорию метафоры в аспекте выявления ее системности, актуально и имеет, кроме теоретического, также и большое практическое значение.

Рецензируемая книга состоит из шести глав, которые распадаются на два больших раздела. В первых четырех главах кратко излагаются основные предпосылки концепции автора, очерчивается категориальный аппарат исследования, проводятся существенные для автора разграничения основных понятий, вычленение из круга смежных явлений основного объекта исследования – языковой метафоры. Строятся оппозиции "языковая метафора/художественная метафора", "языковая метафора/безобразное производное значение", "языковая метафора/генетическая метафора".

В основании первой оппозиции лежат, по мнению автора, гносеологические различия (языковая метафора отражает коллективное понятийное членение действительности, художественная метафора стремится преодолеть его), различия в лексическом статусе (самостоятельность, свобода (относительная) языковой метафоры и контекстная связанность художественной метафоры), в семантической структуре метафорического значения (системность/асистемность) и др.

Второе разграничение также проводится по нескольким признакам: релевантность/нерелевантность признака, лежащего в основе переноса значения, для семантической структуры исходного слова; номинативная значимость (низкая/высокая), наличие/отсутствие семантической двуплановости и др.

И, наконец, отличие генетической метафоры от языковой заключается в "утрате мотивированности, выпадении элемента сопоставления из семантической структуры слова" (с. 41), в том, что в генетической метафоре отсутствует образность, двуплановость, экспрессивность, оценочность – все то, что характерно для языковой метафоры.

Для исследования процесса метафоризации вводится понятие **символ метафоры** – множество сем (в частном случае – одна сема), связывающих метафорическое значение с исходным; причем в исходном значении эти семы относятся к коннотативной области, а в переносном – к денотативной.

Опираясь на введенное понятие символа метафоры, автор монографии проводит тонкие различия между разными языковыми метафорами по типу связи исходного и производного значений и строит очень существенную для теоретической семантики и лексикографии классификацию языковых метафор: I. Мотивированная языковая метафора. Для этого типа метафор характерна эксплицитная связь метафорического значения с исходным. Она может отражаться в толковании слова в словаре (хотя и носит при

этом достаточно субъективный и неустойчивый характер), в сравнительных оборотах (таковы, например, метафоры *ремень, петух*). 2. Синкретическая языковая метафора – метафора, образованная на основании смешения, слияния различных чувственных восприятий. Эти метафоры включают синэстетические переносы (*сладкий звук, холодный свет*), а также переносы значения от физических ощущений на психическую и социальную сферы (*светлая радость, эхо прессы*). 3. Ассоциативная языковая метафора, при которой основанием переноса служат элементы семантики исходной лексической единицы, не присутствующие в ее денотативном содержании, но имплицитные им в сознании говорящих; символ метафоры содержит определенные, логически вычленимые семы (признаковая ассоциативная метафора): *базар, кабак, свиарник* – либо отражающие общее психологическое впечатление от соответствующего денотата; символ метафоры при этом более аморфен (психологическая ассоциативная метафора): *бревно, корова, заяц*.

После определения основных понятий, характеризующих рабочий аппарат исследования, в следующих двух главах книги – пятой и шестой (которые по объему больше, чем первые четыре) – автор непосредственно обращается к описанию системы языковых метафор русского языка. Системность метафоры автор справедливо связывает с понятием языковой картины мира. Пятая глава посвящена построению общей идеографической классификации лексики, подвергающейся метафоризации, и выявлению основных типов регулярных метафорических переносов (правые части этих типов [группы предметов сравнения] заданы очень широко – такими общими категориями, как ПРЕДМЕТ, ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ, ФИЗИЧЕСКИЙ МИР, ПСИХИЧЕСКИЙ МИР, АБСТРАКЦИЯ; левые – с достаточно дробным делением внутри этих же категорий). Классификация строится на материале около 1000 метафор-существительных и охватывает всю языковую картину мира.

Очень интересен раздел пятой главы, посвященный антропоцентрической метафоре, т.е. различным метафорическим обозначениям человека. Выделяются различные типы метафор положительной и отрицательной оценки ("мелиоративной" и "пейоративной" – в терминологии автора), классифицируемые по признакам сравнения (символам метафор); демонстрируются синонимические и антонимические отношения в исследуемых группах метафор. Такое под-

робное исчисление механизмов образования метафор, характеризующих человека (учитывая и классификации соответствующих "образов сравнения" – с. 82–83 и 90–93), представляет собой фактически описание одного из основных фрагментов "метафорической картины мира" русского языка и весьма интересно и полезно в плане сравнительно-языковых исследований.

Если в пятой главе исследуется система метафор в целом, более и менее крупные группировки образов сравнения и предметов сравнения и в качестве материала берутся только существительные, то в шестой главе рассматривается еще один аспект системности метафоры – метафоризация слов отдельного семантического поля (группирующихся вокруг отдельной лексемы – *вода*). Здесь привлекаются уже и другие части речи – глаголы и прилагательные.

Вводится понятие **метафорического поля** – т.е. семантического поля, объединяющего вторичные, метафорические ЛСВ соответствующих слов. Исследуемое поле подразделяется на тематические группы: "Водоемы и их части" – *болото, излуины, море* и т.д., "Формы существования воды, определяемые характером и способами ее движения" – *водоворот, водопад, волна* и т.д., "Характер и особенности движения воды" – *брызнуть, бурлить, течь* и т.п., "Свойства воды" – *кипучий, кипящий, ледяной, мутный* и т.п., "Характерные действия, связанные с водой, производимые в воде" – *купаться, лить, плавать* и т.п. и другие группы. Между членами этих групп устанавливаются синонимические, антонимические и словообразовательные отношения. Отдельный раздел главы посвящен описанию семантической структуры многозначного слова; здесь делается важный вывод о детерминированности круга связей при метафоризации "объективными свойствами денотатов, вовлекаемых в метафорический процесс" (так, языковая сочетаемость слова *каменный* ограничена словами, обозначающими те денотаты, в которых реализуются присущие ему семы "твердый", "тяжелый", "неподвижный": *каменное лицо* (неподвижное), *каменный человек* (твердый), *каменное слово* (тяжелое), *каменная тоска* (тяжелая) и т.п., но не **каменный огонь*, **каменная песня*, **каменный блеск* и т.п. Как представляется, эти соображения помогают найти объективную основу для ответа на вопрос, почему та или иная метафора (или целая группа метафор) невозможна (или маловероятна) в языке, для попытки нащупать пути решения одной из

самых загадочных проблем теории метафоры – проблемы избирательного действия коннотаций в различных семантических классах слов.

Рецензируемая книга, в которой привлекается обширный языковой иллюстративный материал, убедительно доказывает системный характер языковой метафоры. В ней вводится ряд новых, весьма существенных для исследования метафоры понятий: символ метафоры, метафорическое поле и др. В трактовке различных аспектов своей концепции на конкретном материале автор-исследователь демонстрирует глубокое, тщательное и нетривиальное видение тех тонких и часто с трудом поддающихся интерпретации семантических феноменов, которые столь характерны для метафоризации.

Из теоретических положений автора вызывает сомнение рассмотрение оппозиции "языковая метафора/художественная метафора". По мнению Г.Н. Складневской, эти виды метафор принципиально различаются между собой, должны быть четко разграничены, и один из факторов разграничения – это "внесистемность" художественной метафоры (с. 36).

Разграничение это, однако, проводится автором книги не очень убедительно, сами эти понятия недостаточно четко определены, неясно, каково сущностное основание их разграничения. Представляется более объективной противоположная точка зрения – о принципиальном единстве языковой и художественной метафоры, основанная на определении поэтического языка как максимальной реализации потенциалов общенародного языка и на определении поэтической функции Р. Якобсоном: метафора является носителем поэтической функции во всех сферах функционирования языка (в литературном языке, разговорной речи, поэтическом языке и т.д.), при этом большая или меньшая эстетическая нагруженность метафоры не всегда зависит от сферы функционирования.

О том же, что художественная метафора системна, убедительно свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные типологии, парадигматике метафор поэтического языка [Адрианова-Перетц 1947; Григорьева, Иванова 1969; Панченко, Смирнов 1971; Weinrich 1976; Kügler 1984; Кожевникова 1986; Павлович 1988]. Эти работы, кстати, почти полностью отсутствуют в списке литературы, упоминается лишь книга Н.А. Кожевниковой, да и то в другой связи. Может быть, на точку зрения автора отчасти повлиял и недостаточный учет положения дел в исследовании художественной метафоры. Помимо перечисленных работ, рецензента убеждает в системности худо-

жественной метафоры и собственное участие в работе над составлением словаря метафор и сравнений поэтического языка, который, так же как и система языковых метафор в книге Г.Н. Складневской, строится по идеографическому принципу и тоже охватывает всю картину мира носителей языка (см. об этом [Кожевникова, Петрова 1994]). Более того, можно предположить, что без исследования художественной метафоры картина системности языковой метафоры является неполной. Незаполненные, пустые клетки системы языковых метафор заполняются метафорами художественного текста.

Безусловно, существует определенная градация метафор как в отношении их восприятия и частоты встречаемости в текстах, так и в ряде других отношений, и перед лексикографом стоит задача определения границ того материала, который можно и нужно включить в словарь. Но а priori отграничить друг от друга два класса метафор – языковые и художественные – видимо, невозможно. Между двумя полюсами – общезыковой метафорой и индивидуально-авторской – находится целая шкала различных случаев, проведение разграничений на которой, "нанесение отметок" возможно только после тщательного анализа большого количества именно художественных метафор, образованных по одной семантической модели с теми, которые можно безоговорочно считать языковыми.

Можно также отметить некоторую непоследовательность в том, что в основу классификации метафор положен идеографический принцип, принцип семантического поля, который предполагает рассмотрение слов всех частей речи (это и делается в шестой главе при изучении отдельного метафорического поля), но при построении общей системы метафор в главе пятой принимаются во внимание только существительные (глаголы и прилагательные рассматриваются отдельно).

Вызывает некоторые сомнения то, что в ряде случаев вопреки принципу семантического поля в этой классификации разрываются сильные семантические связи, например, слово *болезни* рассматривается в одном классе, *бацилла* и *вирус* – в другом, *короста* и *нарыв* – в третьем, *лекарство* – в четвертом, *зараза* отсутствует (как отсутствуют и *болен*, *болеть*, *лечить* – поскольку рассматриваются только существительные) и т.д. Сомнительно также отделение рубрики "Физиологические состояния" от человека и отнесение их к сфере "Физический мир", разрыв категорий "Природные объекты" и "Физический мир".

Вызывает сомнения трактовка признаков метафор (с. 99). Так, в словосочетании *блестящий ученый* происходит, как мне кажется, не перенос ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК, а перенос ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ЧЕЛОВЕК (ср. *блеск*), в словосочетании *вспыхнула боль* – не перенос ПРЕДМЕТ → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР, а, скорее – перенос ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ЧЕЛОВЕК, а именно, ОГОНЬ → БОЛЬ; ср. *болит, жжет, как огонь*.

При рассмотрении метафорического поля желательно для каждого типа переноса, кроме левой части, задавать и его правую часть, т.е. рассматривать в составе метафорического поля такие подполя, как например, ВОДА → ЗВУК, ВОДА → СВЕТ, ВОДА → СОВОКУПНОСТИ ЛЮДЕЙ, ВОДА → ЧУВСТВА, ВОДА → МЫСЛИ и т.п. Такое подразделение материала есть в главе 6 книги (с. 133–134), но оно никак не учитывается при группировке основного материала. Это пожелание связано с тем, что одни слова поля ВОДА применимы к одним денотатам, а другие – к другим; следовательно, говорить о традиционности/нетрадиционности метафоры, об отнесении ее, по терминологии автора, к языковым метафорам или к художественным можно лишь в пределах таких подполей. Иначе говоря, такая метафора, которая вполне естественна в применении к словам одного семантического класса, может или вообще не встречаться в применении к словам другого класса, или восприниматься как индивидуальная, например, языковая метафора *озеро огней* и индивидуальная метафора

озера страсти И. Северянина: "Приголубь мои уста, пригубь и туже/Озера страсти запруди!"; *болото невежества*, но **болото тоски*; *журчит речь* – языковая метафора, но *журчит любовь* – индивидуально-авторская: И в сердцах любовь журчит/И весна смеется (Бальмонт) и т.д.

В заключение следует сказать, что книга Г.Н. Складневской существенно расширяет и углубляет существующее представление о языковой метафоре, вносит значительный вклад в разработку теории метафоры и теории лексикографии, содержит много новых научных результатов и, несомненно, необходима всем исследователям лексической семантики и лексикографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрианова-Перетц В.П. 1947 – Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
 Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. 1969 – Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.
 Кожевникова Н.А. 1986 – Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
 Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. 1994 – Словарь метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. // ИАН СЛЯ. 1994. № 4.
 Павлович Н.В. 1988 – Автоматический словарь поэтических образов // Автоматизация подготовки словарей. М., 1988.
 Панченко А.М., Смирнов И.М. 1971 – Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века // ТОДРЛ. XXVI. Л., 1971.
 Kügler W. 1984 – Zur Pragmatik der Metapher: Metaphernmodelle und historische Paradigmen. Frankfurt a. M. etc., 1984.
 Weinrich H. 1976 – Sprache in Texten. Stuttgart, 1976.

З.Ю. Петрова